

Размышления над новой книгой

© 2000 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

О СОЦИОЛОГИЗМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

---

*РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - зам. главного редактора журнала
«Социологические исследования».*

На труд Б.Н. Миронова о России (Социальная история России периода империи (XVIII-XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. СПб. Дмитрий Буланин. 1999. Т. 1. 548 с, т. 2. 566 с), конечно, же появятся рецензии историков у нас в стране и за рубежом. Но социологам двухтомник незаурядного исследователя интересен тем, что автор практически с самого начала своего пути в науке работает в социологической "парадигме". Им написана книга "Историк и социология" (1984 г.), освещались проблемы истории России, разрабатывались такие темы, как социальные мобильность и стратификация, сословия, группы, демографическое поведение, грамотность, девиация и преступность, взаимосвязи города и села и др.

Россия периода империи - начало XVIII в. (фактически с XVII) по 1917 г. (с проекцией на советские времена и нынешние перемены) - таковы хронологические рамки. Содержание охватывает территориальную экспансию и ее последствия, включая национальный вопрос; социальные структуру и мобильность; демографию; семью; город и деревню; крепостное право; социальные организации сословий, личность и индивидуализм; право, суд и закон; государственность; общество, государство, общественное мнение и гражданское общество. Оценена советская модернизация. Качество труда Б. Миронова выделяется в потоке книг по истории России. В основе текста богатейшая база данных, компьютерные технологии работы с информацией. Его труд лежит в русле единой мировой науки. В последнее десятилетие он работал в зарубежных центрах США, Японии, Германии. Удивительна по нынешним временам культура издания, начиная от указателей (библиографический, именной и предметный) и кончая выверенностью текста, четким языком. Новые иллюстрации подкрепляют и дополняют выводы. Приложение "Основные показатели развития России сравнительно с другими странами" в XIX-XX вв. (т. 2, с. 379-425) уникально.

Опора на социологию необходима труду такого размаха. Автор сделал одной из его теоретических основ различие между обществом и общностью (Ф. Теннис) (1-423), а закончил данными опроса о религиозности современной молодежи. Интересен факт: задолго до того, как социолог и журналист "стали менять" профессию (садясь в кресло таксиста), включенное наблюдение за нравами извозчиков вел в XIX в. журналист Н.Н. Животное (1-339). Контент-анализ (2-317 и след.) раскрыл желание авторов и издателей журнала "Нива" формировать бизнес-этику того времени под девизом: богатство служит обществу. А опросы учащихся начала XX в. об идеалах жизни ведут

---

* Далее в тексте указания на том и страницу оформляются по образцу: (1-423).

к заключению о менталитете будущей интеллигенции страны; ответы на анкету Русского географического общества (1-257) - об окрестьянивании городского населения. Много находок в анализе урбанизации. Статистика и социология исповедей служат оценке религиозности населения, например, - воздержания (включая половое) в период постов. Качественный анализ применен автором к литературе для народа: частный детектив становится образцом индивидуализма и наведения порядка; пропагандируется определенный образ успеха в жизни, роль личных усилий. Кропотливая работа по статистике преступности в России потребовала реконструкции пропущенных в источниках сведений (2-82). Компаративный метод послужил итоговым выводам о модернизации России и Европы, подвижности границ России и США. Интересны антропометрические данные о росте и весе населения России в главе об итогах модернизации (2-357): "за три столетия они (русские. - Н.Р.) стали почти на 11 см выше..., подняли голову над землей, стали видеть дальше и понимать больше".

Труд со специальными социологическими характеристиками российского общества можно отнести к исторической социологии. Этот подход придал новизну взглядам, аргументированность полемике против негативизма оценок России периода империи (1-15). Правда, не следовало отбрасывать и достижений советских исследователей рабочего и революционного движений, войн, внешних факторов, культуры, литературы. Замечание, что вождями революции руководила жажда власти (2-230), несправедливо.

Анализ социальных структуры и мобильности — одна из граней книги. На новом материале показаны сословия, их стратификация, менталитеты, внутри- и межсословная мобильность, тенденции эволюции. Нов раздел о духовенстве. Отошел автор от стандартных описаний крестьян и рабочих: "...крестьянство в отличие от других сословий до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения" (1-128); "рабочий класс более всех других городских групп населения сохранил следы традиционного крестьянского менталитета... крестьянское происхождение рабочих оказало большое влияние на их менталитет, на их политическое поведение и на их готовность принять социал-демократическую программу" (1-343); де-факто рабочие коллективы были повтором сельских общин (1-344) и др. В то же время деление на город и деревню условно ["Деревня всегда была тесно связана с городом и никогда не являлась его противоположностью" (1-349)], - следствие тесной взаимосвязи города и села. Общность культуры и менталитета простолуднинов, общность в вегетации, прозябании (1-347), в отношении к частной собственности (даже в 1905 г.), - проясняют механизм относительно легкой реализации идеи союза рабочих и крестьян в революциях. Неожиданны и грани облика верхних слоев: заслугой верховной власти имперского периода Б. Миронов считает то, что в 1917 г. она нашла силы отречься от власти вообще (2-227). Оригинальна постановка проблемы стратификации дворянства. Правда, почти нет казачества и армии, нужных для объяснения, хотя бы их неспособности играть роль опоры трона в кризисном 1917 г.

Книга Б.Н. Миронова интересна теоретикам и социологам права; так много из происходящего сейчас в правосознании, правоприменении, законодательстве и государственном управлении пояснят главы 8 и 9. Показано взаимодействие, часто конфликтное, закона и обычая, права и обычного права, государства и общества на протяжении ряда веков. Интригует социолога сюжет о переходе при Петре I от закона, выражающего обычай, к закону как воле государя, - даже психологически непростая смена парадигм. Показаны логика присущего россиянам нигилизма в отношении к закону (1-440), роль неформальных санкций, расхождения норм права с обычаем, чреватые самосудом и бунтом, самоуправление (1-428). Известное сельским общинам и городским корпорациям с допетровских времен, бывало оно порой тяжким, непосильным.

Убедительны аргументы, что закон и правосудие не пустой звук в дореформенной,

как и в пореформенной России, что императоры понимали свои функции и действовали как законники, стремясь управлять государством на базе права (2-148). Приведем один факт, который многого стоит: тиражи Уложения (Свода законов) в конце XVII в. составили 2,4 тыс. экз. (2-123). Прослежена история взятки, названы масштабы привлечения к ответственности должностных лиц за это и иные правонарушения (2-171), описаны столкновения интересов внутри госаппарата (2-146 и др.). Облик чиновника освобожден от стереотипов, навеянных героями Гоголя и Щедрина. Итоги (2-175, 182), автор видит как движение от народной монархии к правовому государству, от сословной монархии к бюрократической, формирование единого правового государства.

Казалось, что нового скажешь о сельской общине? Между тем этот традиционный институт российского общества увлекательно описан. Выделены 9 функций общины, каждая проанализирована; отслежены перемены 17-ти(!) эталонов поведения членов общины, главным образом в сторону отделения частной жизни от общинной. Уточнены итоги: 39% крестьян-членов передельной общины уже в 1905 г. отказались в той или иной мере от ее принципов (1-481); столыпинская реформа не сломала общину; число недовольных общиной было значительно выше, чем число вышедших из нее (1-482); две трети продолжали жить на традиционном общинном праве; и т.д. Важно для понимания судеб общины наблюдение: после 1917 г. она ожила, чтобы мирно переварить конфискованную землю.

Анализ крепостного права "от зенита до заката" позволил заключить, что оно не было только крепостным бесправием, подтверждая эту мысль фактом, что с определенного времени все сословия: дворянство, духовенство, посадские и др., - были в крепостном праве, по-своему и в свое время. Крепостное право определено как среда жизни общества, как право, уложение, порядок, обычай (1-377). Перемены шли поэтапно: освобождение дворян, затем духовенства, городского сословия, крестьян разных категорий, освобождение в разные сроки от наследия экономической, политической, духовной "крепости". Не удивляет вывод: крепостничество - необходимая, органичная (термин автора) часть российской действительности, в том числе, из-за неразвитости индивидуализма, широты натуры русских людей и др.

В центре сюжетов по политической социологии, как у многих писавших об этом периоде — процесс реформ. Автор отмечает в начале книги (1-16), что "выправил" взгляд на реформы. Сняты инвективы в адрес царизма как антидемократического, нерепформируемого. Даже контрреформы Александра III в известной мере реабилитированы, во всяком случае, с точки зрения логики функционирования строя. Правда, что великая и столыпинская реформы оказались не полностью востребованными крестьянством. Свежим представляется взгляд на российскую демократию - патерналистско-патриархальную, общинную, традиционную, на ее характер, сущность (1—447). Наряду с антидемократическими тенденциями учитывается самоуправление в деревне, в городах, в корпорациях и группах, низовая демократия по-русски: вечевая, вольницкая, общинная. Россия в итоге не предстает имманентно недемократической страной. Незавершенность начавшихся процессов, подчеркивает автор, решила исход дела.

Открытые константы, долговременные изменения и тенденции дают выходы на современность, даже когда автор не связывает прошлое с настоящим и будущим. Характеристика российских крестьян периода империи: "Они легко мирились с принуждением и регламентацией. Им были свойственны уравнилельные тенденции при разделе как общинного пирога, так и общинных повинностей. Они не любили значительную дифференциацию в чем бы то ни было. Они ориентировались на устоявшиеся авторитеты..." (1-243), - предвосхищает современные менталитеты. Механизм подрыва авторитета семьи Николая II и Александры (1—268\9) работал против М.С. Горбачева и Раисы Максимовны: отход от стереотипов патриархата наказуем. Для отхода крестьян далее 50 км еще тогда была установлена правовая норма: наличие паспорта; к ней Сталин вернулся в 1932 г. В царской и в советской

стране были сохранены традиционные уклады (пример - жузы), меньше были прямые налоги в нерусских районах. Жизненный уровень в русских областях был одним из самых низких в империи и в СССР (1-47), смертность у русских была выше, чем среди многих инородцев (1-199). Правда, императоры были на "ты" со всеми (1-523), Сталин - с единицами.

Современны сопоставления сознания и поведения россиян "прежде и теперь". Таковы наблюдения о присущей русским, православным трудовой этике: время - не деньги, а праздник; количество праздников и культура праздности в России (2-306 и др.) говорят о том же. Чужда менталитету русских идея накопления капитала (1—48); латентный монархизм массового сознания позволил в СССР монархизму (разочарование в Николае II не было антимонархизмом) быстро возродиться, сохраниться до наших дней; большевики реанимировали черты крепостничества, которые Сталин довел до беспредела, не снившегося крепостникам XVIII в. (1—415). Прочитав (1—426): "по представлениям русских людей вплоть до XX в., кто контролирует, тот должен помогать, опекать и покровительствовать", ловишь себя на мысли -нет ли тут ошибки лет на сто? Наблюдения о незакрытых брешах в традиционных представлениях крестьян типа: либо свобода, либо порядок (1-372), — подтверждают тенденцию начала XX в. амортизации традиционного менталитета, с одной стороны, с другой, - предупреждают от преувеличения меры этой амортизации по меньшей мере до коллективизации. В масштабе советской России во многих отношениях был воспроизведен социальный образ общины (2-334), пишет автор. Не здесь ли ответы на вопрос о причинах развала СССР, с одной стороны, и об устойчивости в некоторых бывших республиках Союза советских институтов и менталитетов, — с другой?

Возникшие вопросы частично связаны с тем, что при избранном автором подходе известные аспекты темы освещаются недостаточно. Среда обитания народа - социологически ключевой фактор его развития. Корифеи российской историографии Соловьев, Ключевский, Милюков справедливо считали проблему территории (растекания, расширения, месторазвития древнерусских племен) ключевой проблемой российской истории. Б. Миронов внимательно анализирует влияние этого фактора на хозяйственные уклады, образ жизни, менталитет, многонациональный характер государства и др.; здесь много верных наблюдений. Естественно возникают вопросы: может ли сельское хозяйство - с учетом вечной мерзлоты - эффективно обеспечивать Россию продукцией животноводства и растениеводства? Может быть, все же Россия - полевая? Как развивать животноводство: как мясное или молочное? Как влияли на социальную историю России частые войны (фактор внешней среды) в рассмотренный период?

Б.Н. Миронов не прошел мимо маргиналов в связи с преступностью (2—94), формированием индивидуалистского менталитета. При массовом аграрном перенаселении в начале XX в. - она по некоторым подсчетам доходила до 16 млн. человек (практически каждый десятый) - эта группа, однако, могла оказаться решающей в ситуации социальных кризисов. В терминах гендерной социологии Б.Н. Миронов, несмотря на приводимые детали положения, поведения российских женщин [например, их место на рынке труда (1-308)], патриархален. Не потому, что перекося есть в использованных источниках и литературе (с ними автор часто не соглашается): сегодняшняя Россия патриархальна. Выводы: (1-263) "В России женщина свободнее, чем в Европе" и (2-354) "женщины в СССР выиграли больше всего" в итоге модернизации, - указывают на резервы анализа менталитета, поведения российских женщин в прошлом. Тем более - кому, как не Б.Н. Миронову, знать, где и какие есть источники для освещения подобных вопросов.

"Понятийный аппарат.— это матрица, в которую укладываются отдельные факты, устарел", - важное замечание о роли научной терминологии. Оно подкреплено замечанием С.Л. Франка о корнях тогдашних (1909 г.) "верований" (1-14), идущих к Бенхаму и Руссо. Как отразилась, однако, эта посылка в языке, которым пользовался Б.Н. Миронов? Автор выбрал точный перевод парной категории (1-423) Тённиса

Gemeinschaft/Gesellschaft: общность и общество, в то время как ряд изданий первый термин неверно переводят как "община". Не чужд ему термин "публичный" (2-121) в отношении государственного права, характера власти и др. Научно и социально значимо раскрытие смысла слова "полиция" через греческий корень "полис" (2-137). Но в ряде случаев на месте взвешенной терминологии - неологизмы, придавшие тексту неточный, метафорический характер: "кадры" (1-509; 36), "элита" (о стариках в общине), "элита и плебеи". Новомодный термин "государственность" (2-109) расшифрован точнее - государственный строй. Не вполне на месте кальки с английского "эмансипация" крестьянства (1-43, 60); "экспансия" (1-19, 14) "глобализация" кризиса пореформенной деревни.

Автор подчеркивает, что труд писался как социальная история (1-16); употреблена и метафора - "современная социальная наука" (1-13). Но подход его отличен от теоретиков и практиков жанра социальной истории двумя аспектами: 1. То, что социологи называют "флюсом" (избытком) проблем государства и права; 2. Трактовка проблем гражданского общества: традиция, идущая от Гегеля до А. Грамши, гражданское общество отделяет от "общества политического" - государства. Автор имеет право на собственный взгляд. Вопрос о том, что итог напоминает фразу извне науки о России, которую мы потеряли. Автор поддержал В. Маклакова (2-270): недостаток у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности привел к революции, и т.п. В историографии эта позиция известна как противостояние школ "оптимистов" и "пессимистов" в плане перспектив выживания императорской России. Соглашаясь с конкретными оценками социальных достижений империи, с опровержением устаревшего, обратим внимание на обстоятельства социологические.

Выбрав в качестве ключевых теорию Тённиса (от общности к обществу) и М. Вебера - бюрократическая рациональность управления, эволюция форм легитимности власти (2-113), значение чиновничества (2-162/3), автор, кажется (возможно, неосознанно, под влиянием зарубежных историков), писал по Т. Парсонсу. Дан образ основательных структур государства, функционировавших в нормальные времена, модернизовавшихся и сломавшихся под стрессами войны, рухнувших в феврале 17-го. Наступило безвластие. Власть "валялась" на улице, и т.п. Опора на ряд иных социологических теорий позволила бы усилить (частично изменить) аргументацию, включая выводы, более взвешенно формулировать оценки.

Автор не прибегнул к концепциям классика социологии и современника краха Российской империи Э. Дюркгейма (ум. в 1917 г.) - "интеграция" и "солидарность". "Дюркгеймовские" проблемы: четырехкратный рост преступности в результате великих реформ, динамика самоубийств, - освещены в книге. Но на итоговый вопрос Б.Н. Миронова (2-264): почему социальная модернизация для монархии закончилась крахом? ответ по Дюркгейму был бы связан с анализом перехода от механической солидарности (традиционной) к органической (рациональной), - сущностная черта модернизации (не касаемся того, что Б. Миронов рассматривает одну из теорий модернизации, может быть, не самую удачную). Императорская Россия, можно утверждать, рухнула в ходе модернизации из-за недостаточных "интеграции" и "органической солидарности". Обостренные внешними факторами напряженности и незавершенность перехода к индустриальному обществу привели к распаду всего строя. Вывод: "Существование сословий с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации с единой культурой, единой системой ценностей, единым законом" (1-147) близок Дюркгейму.

Ключевые характеристики социума России вписались бы в подходы Дюркгейма: верхи и низы жили в разных культурах, эпохах и материальных условиях; "крестьянство продолжало бороться главным образом за материальное выживание" (1—307). Не раз говорится об аграрном перенаселении, непреодоленных консерватизме и

традиционализме крестьянского сословия и духовенства (1-146). Антибуржуазное сознание интеллигенции, отношение к террору и террористам "общественности" (2-260) демонстрируют пропасть между царизмом и "обществом", и т.д.

Приведенный эмпирический материал в своей значительной части релевантен социологии коммуникаций: межличностная коммуникация через слой перемещавшихся лиц (нищие, бродяги, странники и т.п.), роль слухов, доносов, запрет Елизаветой Петровной приводить к присяге крестьян, так как за них присягали помещики (2—129), безмолвие народа при разгоне Учредительного Собрания (2-181). Оценка специфики "связи" верхов и низов: "Народные бунты были моментами истины для верховной власти, способствовали не расшатыванию, а укреплению существовавшего режима" (2-257), - (интересно рассмотреть Октябрьскую революцию в этом свете) свидетельство, что России были присущи разрывы в каналах коммуникации общества и государства, роковым образом проявившиеся в 1915-1917 гг. Пример Екатерины II: "Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала наказания депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По ее распоряжению все наказания были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения" (2-252), кажется, счастливое исключение. К тому же, автор считает: диалог с общественностью был нелегким (2-147), итоги движения от общества как объекта управления к обществу как субъекту управления не оптимистичны, народ из субъекта управления превращали в объект (2-135), взаимодействие государства с обществом, даже "образованным", не состоялось.

Лейтмотив итогов - нормальность развития, оптимистические перспективы России. Сопоставляя ее путь с пройденным другими странами, автор убежден (2-299): Россия развивалась по тем же направлениям, но с запозданием. Современная позиция историка-гражданина (иначе откуда силы для такого труда?): "...две закономерности исторического развития России" поступательность и нормальность. Трехвековой ход российской истории оказывается в целом успешным" (1-17). Модернизация прерывалась 15-25-летними кризисами, подобными нынешнему. Но ряд итоговых положений выглядят скорее как тенденции, чем социальные факты: прогноз победы общества над государством в начале 21 в. (1-528) зависит от того, что считать началом века. Идея государства - института публичного не прививается в России: премьер и кандидат в президенты В. Путин в конце 1999 г. говорит о "партнерстве" государства и общества; производная от публичности (народа) власть в России непривычна. Тезис (2-356) о вступлении страны после 2005 г. или раньше в фазу подъема, требует эмпирического обоснования.

Итоги развития России за годы советской модернизации (2-332) автор считает неоднозначными, социальную модернизацию советского времени - незавершенной; в политической сфере неравномерность, асимметричность перемен бьют рекорды. Оправдана озабоченность по поводу (2-359) опасности промедления: затяжка с возмужанием может перейти в необратимую задержку развития, в социальный и политический инфантилизм; пришло время мужественных решений и гражданской ответственности. Историков автор зовет к "клиотерапии", - роль социальных врачей (1-16), лечащих от уклонов и стереотипов. Для решения этой задачи, однако, надо знать советскую историю. Упомянутая в этой связи архивная лихорадка говорит о том, что путь, пройденный в трудах Б.Н. Миронова о "периоде империи", увенчанных рецензируемым двухтомником, эталон анализа "белых пятен" и "черных дыр" нашей недавней истории. Близкий прикладным социологическим исследованиям, труд Б.Н. Миронова - образец междисциплинарности.